



<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Научная статья / Research article

«Безвластная власть»: статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в.

В.А. Веременко

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., д. 10; v.a.veremenko@yandex.ru

“Powerless power”: The status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century

Valentina A. Veremenko

A. S. Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; v.a.veremenko@yandex.ru

Аннотация: В предлагаемой статье исследуется специфика социального положения женской домашней городской прислуги в пореформенной России. На основании широкого круга источников, включающего статистические материалы, публицистику, пособия по домоводству и эго-документы, автор делает вывод о наличии среди данной категории населения двух групп, принципиально отличавшихся по своему статусу в господской семье. В пореформенный период в России труд служанок не был нормирован, отсутствовали какие-либо гарантии со стороны работодателей как по условиям работы, так и на случай увольнения и потери трудоспособности. Значительный приток в город крестьянских девушек создавал гигантское предложение. Вместе с тем подавляющее большинство претенденток не имело никакого понятия о той деятельности, которую им предстояло осуществлять. Те же, кто смог выдержать несколько лет мучений, обзаводились не только профессиональными умениями, но обучались жизни в городе, способности защищать себя от посягательств. По мере роста образования крестьянской женской молодежи, знакомства ее с судебными учреждениями и активизации деятельности разного рода организаций, занимавшихся помощью служанкам в получении образования и организации найма, женская прислуга чувствовала себя все более защищенной и готовой отстаивать свои права. В результате несмотря на казалось бы гигантское предложение, в действительности подобрать в дом подходящую прислугу оказывалось крайне сложно. Имевшийся у хозяев выбор сводился к двум вариантам – покладистая неумеха или знающая себе цену и требующая учета своих интересов прислуга.

Ключевые слова: пореформенная Россия, женская прислуга, крестьянки, город, организация найма, хозяева.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках исследовательского проекта № 19-09-00297.

Для цитирования: Веременко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Abstract: The proposed article investigates the specifics of social status of urban female domestic servants in post-reform Russia. On the basis of a wide range of sources, including statistical materials, printed press, household manuals and ego-documents, the author distinguishes between two groups in this category of population that were fundamentally different in their status in the master’s family. In the

post-reform period in Russia, the work of maidservants was not standardized, there were no guarantees from hirers regarding both working conditions and cases of dismissal and disability. Widespread sexual harassment and abuse seriously worsened the position of maidservants. A significant influx of peasant girls, who considered themselves fully prepared for the work of domestic servants, into the city, created a gigantic supply. At the same time, the overwhelming majority of the job seekers did not have any idea about the activities that they were to carry out. Making endless blunders, the clumsy peasant girl acquired professional skills and learned to live in the master's family, suffering insults and harassment and working hard only to avoid being kicked out. As a result, those girls who had been able to endure several years of torment, acquired not only professional skills, but were trained to live in the city, to use their position to earn money, to protect themselves from encroachment, or to use their attractiveness as a weapon. With the growth of education of female peasant youth, their increasing familiarity with judicial institutions, and the intensification of the activities of various organizations involved in helping those women with education and employment, female domestic servants felt more secure and ready to defend their rights. As a result, despite the seemingly gigantic supply, it was, in fact, extremely difficult to find a suitable maidservant for the household. The choice available to the owners was limited to two options – a docile slouch, or a maid knowing her worth and requiring consideration of her interests.

Keywords: post-reform Russia, female domestic servants, peasant women, city, hiring organization, masters

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No. 19-09-00297.

For citation: Veremenko, Valentina A. “‘Powerless power’: The status of female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 2 (2019): 320–354. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-320-354>

Введение

Во второй половине XIX в., на фоне крупномасштабных модернизационных процессов, происходивших в России, значительно возросла доля женщин, вынужденных выйти из сферы домашнего производства и начать самостоятельно изыскивать средства к существованию, став наемными работницами. В число тружениц, объединенных одним фактом найма, входили представительницы самых разных сословий – от потомственных дворянок до их бывших крепостных. Также разнообразен был и выбор занимаемых ими должностей, включавший и чиновниц, служивших в государственных учреждениях, и представительниц интеллигентских профессий, и фабрично-заводских работниц. Наиболее распространенной формой женского заработка, по общему мнению, не требовавшего особых умений и доступной буквально каждой, являлась работа прислугой. Недаром данная категория населения по официальным, как признавали сами составители, сильно заниженным, данным Всеобщей переписи населения 1897 г., составляла почти 1,3 млн чел., или 41 % всего «самостоятельного» женского населения¹.

Несмотря на очевидную потребность исследования социального положения такой значительной категории населения империи, места ее в социальной и экономической структуре страны, изучения степени вовлеченности в миграционные, общественно-политические и культурные процессы, интерес к анализу состояния женской прислуги в пореформенной России проявился только в самые последние годы.

¹ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года / [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. СПб.: типография Н.Л. Ныркина, 1905. С. 6–7.

Характерно, что первой работой, специально посвященной положению женщин, работавших в услужении, стал труд немецкой исследовательницы А. Рустемейер, опубликованный в конце прошлого столетия². В нем исследовательница анализирует различные аспекты жизни столичный домашней прислуги в период, ограниченный отменой крепостного права и революционными событиями 1917 г. По мнению автора, институт домашней прислуги в России оставался «бастионом доиндустриального общества», сохранившим патриархальные отношения, характерные для эпохи крепостного права.

В отечественной историографии первые работы, посвященные положению пореформенной женской прислуги, появились только в 2010-е гг. В этих исследованиях давалась классификация домашних работниц³, характеризовались условия их труда и состояние здоровья⁴, оценивались требования работодателей и возможности прислуги удовлетворить этим требованиям⁵, обращалось внимание на специфику девиантного поведения данной категории населения⁶. Только в 2018 г. вышла работа, обращающаяся к исследованию положения женской прислуги на региональном – Оренбургском – материале⁷, до этого данный институт подвергался характеристике без учета территориальной специфики или исключительно на основе опыта столиц⁸. В целом, отечественные авторы, в отличие от немецкой исследовательницы, не склонны абсолютизировать доиндустриальный характер пореформенного домашнего найма, обращая внимание на то, что патриархальные отношения предполагают не только жесткую эксплуатацию, но и ответственность господ за своих слуг, что в модернизирующейся России встречалось все реже и реже⁹.

² *Rustemeyer A., Siebert D. Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung.* Stuttgart: [S.n.], 1997.

³ *Веремченко В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. № 21. С. 241–273.*

⁴ *Веремченко В.А. Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37–40.*

⁵ *Веремченко В.А. Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 315–323.*

⁶ *Карпущина Ю.Е. Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Модернизация в России: история, политика, образование. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 101–105; Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1. С. 77–89.*

⁷ *Бурдуцкая (Банникова) Е.В. «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 77–86.*

⁸ *Вахрамеева О.Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв. СПб.: [Б.и.], 2009; Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). СПб.: [Б.и.], 2018.*

⁹ *Веремченко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // Российская история XIX – XX веков: Государство и общество. События и люди. Сб. статей. СПб.: Лики России, 2013. С. 58–77.*

Как видим, изучение данной социальной группы только начинается...

В предлагаемой статье анализу подвергается статус женской домашней прислуги, предполагавший не только ее крайне бесправное положение в хозяйском доме, но и при определенных обстоятельствах, связанных как с личными качествами конкретных людей, так и с объективными, вызванными реалиями пореформенной России условиями, прямо противоположное положение. Речь идет о так называемом «всевластии» прислуги, о котором постоянно писала пореформенная пресса, которым пугали своих читательниц многочисленные пособия по домоводству, наконец, упоминания о котором содержатся в большинстве дневников российских дворян и особенно дворянок.

«Униженная и оскорбленная»

Если задаться вопросом о том, кого в пореформенной России можно назвать самым забытым существом, кто, не имея ни минуты свободного времени, трудился без продыху по 20 часов в сутки, кто постоянно подвергался разным формам унижения, от бесконечных словесных оскорблений до вполне реальных изнасилований, ответ напрашивается сам собой – это, конечно, женская домашняя прислуга. То, что это действительно так, подтверждают материалы судебных заседаний и врачебных освидетельствований, данные пособий по домоводству и частных домовых книг, наконец, не напрямую, но, вполне очевидно, подобные факты отражены и в дневниках самих хозяев этих домашних работниц.

Недаром бесправное положение прислуги вызывало жалость даже у проститутки, почти половина из которых, знала, о чем говорит, не понаслышке, так как перешла к данному ремеслу, не вынеся каторжного труда и придинок на службе в господской семье¹⁰. Так, героиня повести А.И. Куприна «Яма» – Эльза следующим образом отзывалась о работе служанки: «вообразите себе, какое унижительное положение быть в доме прислугой! Всегда зависеть от каприза или расположения духа хозяев! И хозяин всегда пристает с глупостями. А хозяйка ревнует, придирается и бранится»¹¹.

Подробный список того, что в праве требовать господа от своих домашних слуг, содержался в соответствующих разделах пособий по организации и ведению домашнего хозяйства. Характерно, что, несмотря на кардинальные перемены, произошедшие в российском обществе в результате отмены крепостного права, данный перечень изменился только по форме, оставшись практически неизменным по существу.

Приведем несколько выдержек из дореформенного пособия для хозяев, вышедшего в свет в 1858 г.:

«Вы в праве требовать: 1) чтобы они ни в какое время, даже и в праздничные дни, без дозволения вашего, не отлучались от двора; 2) чтобы они были скромны,

¹⁰ 40–45 % всех проституток в России вышли из рядов служанок. В домах терпимости находилось 47,2 % бывшей прислуги, а из числа занимавшихся «одиночным» промыслом к числу «переквалифицировавшихся» домашних слуг относилось 43,2 %. Статистика Российской империи. XIII. Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1890. С. 33

¹¹ Куприн А.И. Яма. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992. С. 187.

молчаливы, вежливы равно со всеми не позволяли между собой ссор, не обременяли вас жалобами друг на друга и не позволяли себе никакого самоуправства; 3) чтобы не пересказывали посторонним ничего, касающегося до семейных дел; 4) чтобы не имели знакомства с людьми дурного поведения; 5) чтобы не предавались, не только никаким порокам, но и чтобы во время отдохновения, не оставались праздными; самое лучшее в подобное время, заставлять их делать, что-нибудь для самих себя, или заниматься какой-нибудь легкою работой; и 6) чтобы они исполняли обязанности христианина, ходили в церковь, молились Богу, и если знают грамоте, то читали бы молитвы, или какую-нибудь нравоучительную книгу»¹².

Далее следовало более подробное раскрытие этих пунктов. Например, раздел «Указания касательно отправления ежедневной службы в доме» содержал, среди прочего, следующие положения:

«Если слугителя спрашивают о чем-нибудь хозяин или хозяйка дома, или кто-нибудь из членов семейства, он никогда не должен отвечать просто: да или нет, но всегда приговаривать: точно так сударь, никак нет, сударыня.

Обращаясь к лицам, пользующимся княжеским или графским титулом, он обязан прибавлять наименование титула; напр.: точно так, ваше сиятельство и проч.

Разговаривая со своими хозяевами или с гостями, посещающими их, он должен обращаться к ним в 2-м и 3-м лице множественного числа, напр.: что вам угодно? им угодно и проч. Только в необходимых случаях слугитель может первым заговорить со своими хозяевами.

Когда разговаривают с слугителем, то он должен стоять и отвечать почтительно...

Если хозяин делает выговор, то слугитель не должен отвечать ему грубо или нетерпеливо ...»¹³.

Удивительно, но вышедшее спустя 30 лет пособие, несколько менее витиевато, но, по сути, ДОСЛОВНО! повторяет приведенный выше раздел из книги по домоуправлению времен крепостного права:

«Если прислугу спрашивает о чем-нибудь хозяин или хозяйка дома, или кто-нибудь из членов семьи, то она никогда не должна отвечать просто *да* или *нет*, но всегда должно добавлять: барин, барыня, барышня.

Обращаясь к лицам, пользующимся княжеским или графским титулом, прислуга обязана прибавлять наименование титула; напр. точно так, ваше сиятельство и проч.

Разговаривая с своими хозяевами или с гостями, посещающими их, прислуга должна обращаться к ним во 2-м или 3-м лице множественного числа, напр. что вам угодно? Им угодно и проч.

Когда разговаривают с прислугой, то она должна отвечать почтительно.

Если хозяин делает выговор, прислуга не должна отвечать ему грубо или нетерпеливо.

¹² Наставление для управления домашнею прислугою, с верными указаниями для отопления и освещения комнат. СПб.: М.О. Вольфа, 1858. С. 10.

¹³ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 30–32.

Прислуга не должна никогда сидеть в присутствии своих хозяев»¹⁴.

Пожалуй, единственное принципиальное различие в этих двух документах заключается в общем наименовании лица, находящегося в услужении. Если в более раннем тексте речь шла о «служителе» и использовалось местоимение «он», то в новых реалиях применялось обобщенное наименование «прислуга», а вместе с ним и местоимение «она». Подобные изменения в языке отражали реальную ситуацию – гигантский перекося количества женщин над мужчинами в составе домашних работников, ставший следствием попыток хозяев сократить внутрисемейные расходы за счет отказа от более дорогой мужской рабочей силы¹⁵.

Подготовленный же в 1910 г., но так и не ставший законом, проект «Положения о найме домашней прислуги» содержал простое перечисление мероприятий, возлагавшихся на домашний персонал. Для создания представления о степени загруженности прислуги, особенно в тех случаях, когда она работает в господском доме одна, достаточно ознакомиться с приведенным в этом документе перечнем ее функций. Список дел домашних работников включал следующие мероприятия: «все вызываемые хозяйственным распорядком нанимателя работы по дому, двору, огороду или саду, как и работы вне дома, связанные с удовлетворением жизненных потребностей, а также уход за ... домашними животными и присмотр за сохранностью и ценностью хозяйского имущества». К домашним услугам причислялся уход за хозяевами и членами их семейств, а также их гостями или посетителями¹⁶.

Попытка возложить все это на одного человека приводила к вполне очевидным последствиям, описаниями которых переполнена публицистика начала XX в. Приведем типичный пример обязанностей единственной прислуги хозяйки, жившей за счет сдачи комнат в петербургском пригороде (отметим, что данный список вполне укладывается в требование проекта закона). Девушка должна была «в третьем часу выпустить корову в стадо, вычистить коровник, сходить в лавку за провизией, убрать комнаты, поставить самовар, вычистить платье хозяев и квартирантов, готовить завтрак и обед и стирать белье». Не удивительно, что после лета бесконечного труда 20-летняя прислуга попросила расчет и, «нарумянив щеки», вышла на Невский проспект¹⁷.

То, что подобный рабочий день казался вполне нормальным не только составителям проекта о найме, но и господам, предполагавшим, что все вышеназванное вполне выполнимо, а недоработки прислуги связаны только с ее ленью и неумением, отражают дневники хозяев. Так, например, только после того,

¹⁴ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов на всякий случай домашней и общественной жизни. СПб.: тип. В.А. Тихонова, 1889. С. 322–323.

¹⁵ По данным всероссийской переписи населения 1897 г. из 1 556 987 чел., показавших работу в частном услужении как свое основное занятие, женщин оказалось 1 288 797 чел. или на 100 работавших в данной сфере мужчин приходилось 480,5 женщин. См: Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года [с предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В.В. Степанова]. СПб.: [б.и.], 1905. С. 6–7; *Веремько В.А.* На острие домашнего пространства: хозяйка и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) ... С. 58–77.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), Ф. 1286. Оп. 1. Д. 921. Л. 20.

¹⁷ *Понов Н.А.* Хозяйка и прислуга. СПб.: Тип. СПб., 1907. С. 10–11.

как одна из гостей обратила внимание «передовой» дочери сенатора Зарудного на то, что их бедной прислуге «просто жизни нет от всевозможных нужных и ненужных поручений, переменчивых и капризных приказаний, криков, неудовольствий и т.п.», либеральная девица вдруг увидела то, что спокойно и незаметно проходило перед ней каждый день. Ульяша «ложиться спать после всех, т.к. должна убрать чай, вымыть посуду, уложить детей и барышень спать, а утром в 2–3 часа она должна уже быть на ногах, чтобы сварить папе кофе, убрать комнаты и сделать все нужные приготовления для барышень к тому времени, когда они проснутся. Затем целый день она бегает с завтраками и обедами ... и ни одной минутки ей нет отдыха! А к вечеру все недовольны ею: что ты не пришла ко мне когда я тебя звал! Что ты не пришла мне пуговицу»¹⁸.

Часто ко всему этому прилагались еще моральные и физические издевательства со стороны господ и их детей, а также сексуальные домогательства. Причем служанку преследовали «и дома, и на улице. Дома – сам хозяин, взрослый сын, учитель, гости, наконец, свой брат-лакей, кучер и дворник. Пошлют в лавочку – пристаёт приказчик, отнести письмо – пристаёт прохожие»¹⁹. Пресса начала XX в. регулярно публиковала сообщения о пострадавшей прислуге. Вот пример подобной заметки, появившейся в газете «Русское слово» в 1909 г.: проживающий в Нововилейске младший контролер Сидорчук ночью пытался изнасиловать живущую у него в качестве прислуги 16-летнюю девушку Анну Васильчук. Несчастная вырвалась и убежала. Когда на другой день она потребовала паспорт, барин сделал на нем пометку «неблагонадежная». Дело передано судебному следователю²⁰.

Итак, в пореформенный период хозяева пытались руководствоваться в отношении прислуги заветами, выработанными еще в период крепостного права, надеясь найти в своей служанке безгласное существо, готовое за небольшое вознаграждение выполнять гигантский фронт работ, молча сносить оскорбления и сексуальное рабство. Вместе с тем мечты хозяев разбивались о реальность, очень часто не имевшую ничего общего с описанным выше образом «униженной и оскорбленной» прислуги.

«...вопрос о прислуге для нас давно стал вопросом “проклятым”»

Причины появления в пореформенной России значительной и постоянно возрастающей категории женской прислуги, отличавшейся, по мнению окружающих, «грубым и вздорным характером», позволявшей себе крайне фамильярное отношение не только к своим господам, но и к их гостям, демонстративно пренебрегавшей своими обязанностями и постоянно выманивавшей, а нередко и просто крадшей у своих господ деньги, многообразны и отражают специфику российского социально-экономического уклада, причудливо сочетавшего черты традиционализма и модернизации.

¹⁸ Институт русской литературы Российской академии наук (далее – ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 7. Л. 118 об. – 119.

¹⁹ *Ленская Л.Н.* О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М.: Тип. Вильде, 1908. С. 16.

²⁰ *Неблагонадежная* // *Русское слово*. 1909. 28 июля.

В определенной степени подобные персонажи (правда, не столь одиозные и значительно менее распространенные) встречались еще в дореформенный период. Недаром в конце 1850-х гг. на страницах периодической печати развернулась (но так ничем и не закончилась) общественная дискуссия по вопросу о взаимоотношениях хозяев и прислуги. Зачинателями обсуждения выступили недовольные наниматели, гневно вопрошавшие с газетных страниц о том, «Кто такие наши наемные слуги?» И тут же сами себе отвечавшие, что это «толпы гуляк (разумея здесь и мужчин, и женщин), поступающих к вам на службу не с тем, чтобы служить, но чтобы вас объедать, обпивать, обманывать и, наконец, обкрадывать. Это бы еще не беда, но вот беда, что они все это нередко делают безнаказанно... Это перекатная голь, которая что у вас заработала, то в другом месте пропила; которая не пашет, не сеет, а живет, как птицы небесные, не думая о завтрашнем дне...»²¹.

Однако подобные однозначные оценки встретили отповедь «защитников прислуги», часть из которых ссылалась на тяжелое положение служащих, в то время как другие обращали внимание на ответственность самих нанимателей, связывая поведение слуг с наследством уходящей эпохи. Так, автор статьи, помещенной 25 апреля 1859 г. в «Экономическом указателе», прямо заявлял: «...ошибаются те, которые думают улучшить одну часть общества, не улучшив другой – уничтожить разврат в наемных слугах тогда, как сами наниматели часто отвлекают их примером своим от добродетели... Избалованные крепостною обстановкой, господа часто забывают, что наемный отдает в найм не себя, а – свой труд, и при том труд известного рода, и вот от кучера требуют услуг истопника или лакея, от кухарки – услуг няньки и т.п., не выговорив этого ясно при найме, и потом удивляются, что их приказания не исполняются, что им грубят!»²².

Уже после крестьянской реформы, в 1864 г., в «Известиях Санкт-Петербургской городской общей Думы» была напечатана статья о найме прислуги. В ней говорилось, что в одном из докладов комиссий в Думе прозвучали положения о недобросовестной и порочной прислуге. Автор выразил мнение, что домашняя прислуга как социальная группа образовалась при обстоятельствах, неблагоприятных для ее нравственного развития и материального благосостояния. Группа эта сложилась преимущественно из бывших «дворовых». «Отторженные от семейств, и от их первобытного состояния земледельцев люди эти поступали в дворню, за нравственным развитием которой никто не следил. В этом положении класс дворовых пережил столетия, и так как ничто не подвигало его к трудолюбию и трезвой добропорядочной жизни, то последствием этого было распространение в среде их всех пороков, которыми так богато ныне сословие бывших дворовых людей»²³.

Таким образом, предполагалось, что в новой, отказавшейся от рабства России, вместе с исчезновением тунеядствующей дворни с одной стороны и крепостнической психологии дворянства с другой восторжествует достойная оценка

²¹ В.П. О сословии Петербургских наемных служителей // Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 1 февраля.

²² По поводу вопроса о наемных слугах // Указатель политико-экономический. Статист. и промышл. журн. 1859. № 121. С. 378–379.

²³ Известия С.-Петербургской городской общей думы. СПб., 1864. № 9. С. 514–517.

каждого честного труда, установится взаимная заинтересованность труженика и нанимателя, а значит и сформируются вполне нормальные отношения между хозяевами и домашними работниками. На деле же, и в новых условиях, переведа взаимные контакты на отношения купли-продажи и найма, дворянская интеллигенция, вместе с тем, ждала от своих слуг личной преданности, любви, *добровольной* помощи, и очень возмущалась, что имела дело с «наемным человеком»²⁴.

В этой связи можно было бы подумать, что реально никакого «всевластия» женской прислуги не было. Просто требуя от служанки слишком многого и столкнувшись с невозможностью получить желаемое, хозяева любую попытку оправдаться истолковывали как грубость, а оставшуюся по объективным причинам невыполненную работу – как сознательную леность и саботаж. Тем более, что крайне отрицательный портрет прислуги предстает перед нами, прежде всего, со страниц хозяйских дневников и воспоминаний.

Вполне возможно, что в отдельных случаях именно так все и было...

Вместе с тем невозможно не заметить в сфере организации домашнего труда нескольких, на первый взгляд, взаимоисключающих тенденций: значительное предложение, в сочетании с постоянным неудовлетворенным спросом и удивительно высоким уровнем текучести кадров.

В начале XX в. в крупных центрах России появились посреднические конторы – частные, общественные (благотворительные) и существовавшие на средства городов. Статистика этих учреждений дает определенное представление о числе лиц, только с помощью подобных учреждений, осуществлявших поиск работы по домашнему найму.

В Санкт-Петербурге городская посредническая контора начала функционировать с 1 августа 1901 г.²⁵ Уже в конце сентября «С.-Петербургские ведомости» засвидетельствовали ее «заметное развитие» и постоянное увеличение числа клиентов. «Ежедневно записывается не менее 100 нанимателей. Общее число сделок, совершенных за два месяца, доходит до 3 200. Зарегистрировано в этот период свыше 7 500 заявлений от ищущих места и предлагающих таковые. Среди нанимающихся преобладает женская прислуга; мужчины (дворники и швейцары) составляют 15 %»²⁶. В Москве наибольшее значение в деле домашнего найма имели частные конторы. В течение годичного промежутка времени с 1 ноября 1902 г. по 1 ноября 1903 г. в эти учреждения по приисканию мест обратилось 12 666 чел. прислуги, из которых мужчин – 1 384 чел., а женщин – 11 282²⁷.

В 1905 г. варшавское благотворительное общество опубликовало статистические сведения о спросе и предложении труда прислуги в Варшаве за предшествовавший год. Характерно, что число кандидатов, искавших работу домашней прислуги, – 3 084 оказалось меньше числа мест для кандидатов, которыми располагало отделение, – 4 550. Однако число мест, занятых подходящими канди-

²⁴ Веремenco В.А. «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в... С. 261–262.

²⁵ Трудовая помощь. 1901. № 6. С. 156.

²⁶ С.-Петербургские ведомости. 1901. 30 сентября.

²⁷ Частные конторы по приисканию работы в Москве // Трудовая помощь. 1904. № 1. С. 125.

датами – 1 514 – оказалось в два раза меньше предложивших свои услуги и в 2,5 раза меньше имевшихся вакансий. Сами авторы исследования объясняли данный феномен тем, что большинство «кандидатов явились неподготовленными для тех мест, которые желали получить»²⁸.

Собственно, последнее положение и объясняет главную причину отмеченного выше сочетания постоянно неудовлетворенного спроса на фоне гигантского предложения. Работа прислужгой считалась несложной, большинство трудоустроивающихся полагало, что обучиться ей можно на месте, поэтому в города прибывало огромное количество крестьянок, которые пытались устроиться на эту должность. Однако необученные городской жизни и обязанностям прислужги женщины не были способны удовлетворить даже элементарные требования работодателей. Крестьянки не знали, как вести себя в доме и на улице, не умели ухаживать за домашними вещами и одеждой, очень часто нанося им непоправимый ущерб²⁹, наконец, они не были способны приготовить даже самый «легкий» городской обед³⁰. Именно эти неумехи готовы были терпеть любые унижения, только бы их взяли и оставили на службе. Однако, спустя годы появлялись необходимые навыки и те из девушек, кто сумел выдержать несколько лет мучений, обучился умению выживать в самых диких условиях, приспособился к брани и сексуальным домогательствам, в общем, прошел эту стадию, мог уже считаться прислужгой «рафинированной, претендующей на опытность»³¹. Таким образом, опыт в данной сфере означал не только, а может и не столько, собственно необходимые знания в той или иной области домашнего труда, сколько умение «выживать»³², которое предполагало навыки самозащиты, хотя бы в форме ответной грубости, способов получения дополнительного заработка (через вымогательства и/или мелкие кражи), наконец, умение «расслабиться», очень часто реализуемое в форме пьянства.

²⁸ Отделение для приискания занятий Варшавского благотворительного общества // Трудовая помощь. 1905. № 3. С. 331–332.

²⁹ По разным вопросам // Трудовая помощь. 1903. № 3. С. 268–281; *Н.К.* Из наблюдений сотрудницы попечительства // Трудовая помощь. 1901. № 4. С. 472–478.

³⁰ Принципиальное различие городской и деревенской кухни стало одним из самых тяжелых испытаний для подростков – участников сельскохозяйственных дружин, оказывавших помощь семьям запасных в период Первой мировой войны. См. *Карпова В.А.* Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 48–55; *Она же.* Работа трудовых огороднических ученических дружин в 1916 г. // История повседневности. 2016. № 1. С. 105–116.

³¹ Об улучшении быта и трудовой подготовки прислужги // Трудовая помощь. 1902. № 1. С. 97–103.

³² В обучении новеньких значительную роль могли сыграть, находящиеся рядом, более опытные товарки. Так, например, в фельетоне «Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень» приведена, судя по всему, вполне типичная история – совершенно замордованную хозяйкой кухарку Марью научила правилам взаимоотношения с господами ее знакомая «безместная кухарка» Степанида, которая «и бывала частенько без места», так как хотя и «очень хорошо знала свое дело, и ей уж указывать в нем было нечего», но «была не прочь и выпить на выгаданные от покупки провизии деньги, и не стеснялась часто принимать у себя своих знакомых – любо или нелюбо было это ее господам; при чем, была еще порядочна зубаста и груба». См.: *Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень*. М.: Универ. тип., 1866. С. 13.

Итак, перед хозяевами, принимавшими решение о найме прислуги, стояла практически неразрешимая задача: взять тихую, готовую выполнять все работы за самую низкую плату, но совершенно ничего не умеющую девушку из деревни, или опытную специалистку, за значительно бóльшие деньги, да еще с обязательным шлейфом в виде наглости, умения разными способами нажиться за счет хозяев, а возможно еще и с аморальным поведением. В первом случае необходимо было контролировать каждый шаг неумелой прислуги, быть готовым к получению несъедобного обеда, испорченной одежды, разбитой посуды и т.д. Во втором отказываться от контроля было также невозможно, так как в этом случае значительные семейные средства могли перекачивать в карман опытной служанки, а вся работа, которая не проверялась, грозила быть не выполнена. При любом из раскладов прислуга вносила массу проблем, неудобств и дополнительных расходов в жизнь семьи.

Складывался замкнутый круг: в поисках очередного «хорошего варианта» в доме появлялась новая служанка, вскоре либо она оказывалась «совершенно неподходящей», либо сама уходила, неудовлетворенная условиями. Средний срок пребывания прислуги в одной семье, как правило, не превышал нескольких месяцев³³, и снова и тот и другой участник найма оказывались перед необходимостью поиска «хорошего варианта».

«И будут мне говорить, что все люди равны!»

Многочисленные пособия по домоводству настоятельно рекомендовали хозяевам лучше брать на службу неумелых, но «честных и порядочных», отказывая опытным, но грубым и вороватым пьяницам. Авторы подобных изданий постоянно напоминали своим читателям, что не стоит рассчитывать «...получить хорошую прислугу, как товар из магазина, с ручательством, совсем готовую; заведи ее, она и пошла». Ведь, «слуги – тоже люди, а не машины». И вместо того, чтобы надеяться на «аттестаты, бюро и справки», хозяева сами должны озаботиться воспитанием, прежде всего, нравственным, своих слуг³⁴.

Некоторые, действительно, предпочитали такой вариант. Причем важным фактором здесь служила не только «молчаливость» и «духовное здравие» приехавших в город крестьянских девушек, но и дешевизна их услуг. Целый ворох проблем принесла в дом офицера Генерального штаба И.И. Меницкого девушка Проня, привезенная хозяевами из деревни в столицу. В своих мемуарах жена офицера – О.М. Меницкая отводит ей и вызванным ее поведением злоключениям несколько страниц: «Она была неграмотная настоящая деревенская, угрюмая дура, но работающая безропотная, пассивная, как заводная кукла. Пробовала я ее учить грамоте, но ничего не вышло. Она складывала кубики и больше всего любила складывать «ю п к а» тыча пальцем в пространство. В поезд она не рещалась влезть и все от-

³³ Согласно, проведенному Д.М. Демидович анализу домовых книг С.-Петербурга, «средний срок пребывания горничных в должности составлял 125 дней, то есть горничные меняли место работы приблизительно раз в четыре месяца». *Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга* С. 153.

³⁴ *Спиридонова Е.* Отчего испортилась наша прислуга // Семья православного христианина. Сборник проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений. СПб.: тип. Монтвида, 1906. С. 602–608.

скакивала назад. Мне пришлось держа на руках ребенка поддать ей в зад коленкой, чтобы она, наконец, влезла. В поезде сидела, держа вещи двумя руками, боясь положить на скамейку. Много мы с ней намучались, пока приучили выходить на улицу и в магазин, так она боялась всего и всех. Это был второй ребенок трудно сгибаемый. В баню водила с собой и сама мыла. Настоящий первобытный человек. Видно скучала без деревни и людей своего общества... всегда недовольная, голодная, т.к. господская пища ей не нравилась...». Несмотря на все перечисленные недостатки, хозяева не спешили ее увольнять. Судя по всему, главным стимулом к этому было, то, что получала она всего 4 р. в месяц³⁵, в то время как в те же 90-е гг. XIX в. зарплата деревенской неумехи в С.-Петербурге была не ниже 6 руб.

Вообще попытки учить свою прислугу грамоте, а то и заниматься с ней школьной программой, в интеллигентской среде встречались нередко. Правда, причины этого подчас не имели ничего общего с желанием оказать услугу самой девушке. Так, например, Р.И. Сементковский, писавший в начале 1870-х гг. диссертацию о возможности и важности предоставления женщинам такого же образования, как и мужчинам, решил проверить ее положения на служившей у него в качестве помощницы прислуги 13-тилетней неграмотной девочке. Он стал обучать ее в свободное время и прошел с ней значительную часть курса мужской классической гимназии. Но, судя по всему, ученица оказалась не особо благодарна учителю за неожиданно упавшие на нее знания. По крайней мере, автор закончил эту часть своих воспоминаний следующей довольно неясной сентенцией: «Но в конечном результате она дала мне крупное разочарование, смягченное только сознанием исполненного долга, наслаждением, которое человеку доставляет искание правды, наконец, сочувствием уважаемых людей»³⁶.

Но далеко не все хозяева были готовы вешать себе на шею еще одного ребенка в лице прислуги, предпочитая опытную работницу. Как правило, наниматели понимали, что, скорее всего, придется столкнуться с «человеком с характером», но надеялись «умаслить» свою служанку подарками.

Обычай давать слугам подарки к большим праздникам еще в дореформенную эпоху «обратился почти в неприменимое правило»³⁷. Причем тогда награждали не только наемную прислугу, но и крепостных. Это могли быть как вещи, так и деньги. Так, например, в честь свадьбы старшей дочери князя Кропоткина, Елены Алексеевны, новобрачные были вынуждены одарить ее дворню значительной суммой. Причем накануне отъезда супруги долго обсуждали сколько надо выделить, пока не сошлись на том, что «дворня ... большая; менее 15 р. нельзя было дать»³⁸.

В пореформенное время ограничиться подарками только по большим праздникам в отношении опытной прислуги не имелось никакой возможности. В надежде на ответную доброту хозяева беспрестанно делали знавшим себе цену специа-

³⁵ «Я вышла замуж за любимого...» мемуары О.М. Меницкой-Зоммар // История повседневности. 2017. № 1. С. 132.

³⁶ Сементковский Р.И. Среди отошедших (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. 1917. Апрель. С. 127–128.

³⁷ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 22.

³⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 601. Д. 1196. Л. 95.

листкам мелкие подарки или отдавали старые платья, белья или обувь, а те нередко не только не бывали за это благодарны, но, как и предсказывали авторы пособий по домоводству, считали «такие подарки за должное» и начинали требовать их³⁹. В свою очередь, предполагавшие совсем другую реакцию хозяева никак не могли понять такой наглости. Вот как описала в дневнике свои чувства О.Г. Базанкур:

«Начались истории с прислугой! Чем вы с ними лучше, ближе, ласковее – тем хуже. Нынче, после того как я после жалования подарила Аннушке ситец на кофточку, да отправила ее в театр – та уже окончательно одурела от глупости и злости... Вчера она уже форменно начала кричать на меня. Завтра ставлю ультиматум: или она ведет себя прилично, или убирается ко всем чертям... Досаднее всего не сами факты, а что приходится считаться с ними...

Такая молоденькая девочка – и столько наглости и злости! И будут мне говорить, что все люди равны! Да никогда... А моя к тому же глупа невероятно, все делает совсем не думая и не соображая о том, что делает и потому все портится и гадится»⁴⁰.

В качестве действительно надежного средства поддержания домашнего порядка книги по домоводству считали не бесконечные задаривания, а правильно организованное общение с прислугой. Оно должно было происходить с одной стороны «добродушно, однако, вместе с тем, не унижая и собственного достоинства», избегая «всякой фамильярности», следовало «никогда не называть прислугу уменьшительным именем». В особенности же рекомендовалось не вступать «в спор с прислугой и лучше всего отказывать ей от должности, без дальнейших неприятностей»⁴¹.

Анализ дворянских дневников свидетельствует, что в реальной жизни только «уменьшительным именем» прислугу и называли. Со страниц этих документов перед нами проходит нескончаемый ряд Настён, Марусь, Глаш и т.д. Мало того, отдельные хозяева, готовы были мириться и с фамильярностью со стороны служанок и даже считать ее «милой», если за прислугой не числилось другого более серьезного криминала. Так, в своем дневнике О. Яфа с очевидной симпатией упоминала «добродушную толстую» горничную Машу, которая была «со всеми на “ты”», а зачавшего в дом гостя – студента во всеуслышание и «не стесняясь» называла «женихом» хозяйской дочери, чем вызывало очевидное смущение самой барышни⁴².

И действительно, на фоне возможных обчетов всего лишь легкая фамильярность со стороны прислуги могла казаться даже очень симпатичной... Прослужив несколько лет, прислуга приходила к мысли, что размер официального жалования не может, да и не должен определять ее уровень благосостояния. Недаром многие из нанимавшихся на работу служанок сразу оговаривали в качестве условия право осуществлять те или иные закупки не по «книжке» от магазина, а за «живые» деньги. Хозяева, в свою очередь, также были в курсе возможности обчета их со стороны прислуги. Н.А. Лейкин в фельетоне «Прислуга из конто-

³⁹ Наставление для управления домашнею прислугою... С. 22–23.

⁴⁰ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 2. Л. 61–62 об.

⁴¹ Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. С. 321–322.

⁴² ОР РНБ. Ф. 163 Второвы. Д. 323. Л. 10 об.

ры» в юмористической форме продемонстрировал попытки прислуги гарантировать себе дополнительный доход, а хозяев – лишить слуг такой возможности. Вот, например, как описывался найм на службу кухарки:

«...– Вы должны рассчитывать на жалованье. Желаете оставаться на наше жалованье – оставайтесь, нет, не надо.

...– Нельзя-же барин, кухарки без халтуры. Ведь уж для того по местам служим. Иначе-бы жили в деревне... Из двенадцати рублевого жалованья много не скопишь. Мясник дает, лавочник дает, рыбак дает, зеленщик ...

... Вот что еще, самое главное я забыла спросить. Провизию буду, разумеется, я закупать?

– Да, да ...У нас в мясную книжка, в зеленую книжка и в мелочной лавке тоже будите на книжку брать.

– На книжку-у? – протянула кухарка и покачала головой. – Вот уж на таких местах я не люблю жить, где на книжке надо брать.

– А не любите, так можете и не жить...

– Хотите кухарку за повара иметь, а сами двенадцать рублей, провизию на книжку, сами платить будете, да еще весы в кухне для проверки повесили. Нет уж, это не место!»⁴³

Итак, взяв «опытную» прислугу, надо либо было быть готовым к постоянным «домашним войнам», когда «...то у кухарки был запой, а прачка оказалась не чиста на руку, и с ней пришлось расстаться; то горничная нагрубилась и без спросу ушла со двора ...»⁴⁴, либо отдаться «всецело в руки Маши, Глаши, Поли», предоставить «самовластнице» делать все что она хочет, принимать то, что она «подчас капризничает, постоянно обсчитывает, носит барынино белье...»⁴⁵.

В борьбе за свои права...

Пореформенное время ознаменовалось не только широким распространением «домашних войн» как способом борьбы прислуги за создание себе приемлемых условий существования. Рост образования и информированности крестьянских женщин, знакомство их с судебными учреждениями и даже определенные навыки защиты своих прав в волостных судах⁴⁶ и, наконец, опыт жизни в городе, способствовали появлению среди служанок тех, кто готов был обращаться со своими проблемами в судебные инстанции. Конечно, случаи, когда хозяева признавались судом виновными, были, скорее, исключением, но сам факт появления подобных сообщений в прессе давал прислуге надежду на возможность выиграть судебный процесс или, по крайней мере, получить с господ деньги за причиненный ущерб.

⁴³ *Лейкин Н.А.* Прислуга из конторы // Хлебный вопрос. Юмористические рассказы. СПб.: тип. С.П. Худекова, 1896. С. 256–260.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 163. Второвы. Д. 313. Л. 56.

⁴⁵ *Поваринская В.В.* О приучении девочек к домашнему хозяйству // Энциклопедия воспитания и обучения. Вып. Л. СПб.: Захарьевская, 1902. С. 9.

⁴⁶ *Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начала XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.

Так, много шуму наделала «великий курьез», произошедший с «очень почтенной особой», которая наняла кухарку, а та ей постоянно грубила. Один раз барыня, держа в руках пустую тарелку, сделала работнице замечание, последняя ответила грубостью. Хозяйка «вышла из терпения, уронила тарелку на пол и, отскочивший осколок поранил лицо кухарки, она начала иск против хозяйки. Барыне угрожал скандальный процесс в окружном судье, пришлось примириться с кухаркой, заплатив ей сумму денег»⁴⁷.

В феврале 1912 г. газета «Трудовая копейка» написала об еще более удивительной истории, когда прислуга обвинила хозяйку в краже. Нанявшаяся в «молодую и прогрессивную семью (студент и курсистка) женщина служила исправно», ее одаривали подарками и похвалами. Но после того, как соседская горничная «просветила» хозяйку, сообщив, что прислуга последней якобы сплетничает и плохо отзывается о барыне, отношения в доме испортились. «Курсистка в приливе негодования взломала сундук своей служанки, вынула подарки и отдала их вестнице. И мировой судья привлек барыню за воровство. Так и обратился на заседании к ней и горничной: «Вы, воровки, обе встаньте рядом!» Курсистка от стыда упала в обморок»⁴⁸.

Важным индикатором роста самосознания прислуги и понимания ею необходимости создания специальных структур, которые могли бы гарантировать права служанок и, хотя бы частично, обеспечивать их в период отсутствия работы, стало появление, в начале нового столетия, первых профессиональных организаций. Артели, объединявшие мужскую прислугу, начали складываться еще в 1870-е гг.⁴⁹ К началу XX в. – времени зарождения первых женских объединений – число мужских учреждений подобного рода только в столице измерялось десятками⁵⁰. Во многом это было связано с тем, что в то время как женская прислуга продолжала заниматься домашним трудом, мужская – положила начало сфере услуг – формируя новую отрасль общественного производства.

Главными задачами объединений являлись «улучшение быта женской прислуги, приискание для них мест», а также оказание помощи в случае болезни или неспособности к труду. На средства общества, формируемые за счет взносов членов, преимущественно состоявших из самой прислуги, создавались убежища для больных и престарелых участников, выдавались пособия потерявшим место, открывались классы по обучению «различным рукоделиям», знание которых увеличивала шансы женщин по трудоустройству⁵¹.

⁴⁷ Попов Н.А. Хозяева и прислуга. С. 10.

⁴⁸ Тяжкое обвинение // Трудовая копейка. 1912. № 38.

⁴⁹ Устав общества «домашняя обеспеченная прислуга» (проект). М.: [б.и.], 1871; Устав первой С.-Петербургской артели посыльных (Утвержден управляющим министерством внутренних дел 6-го января 1879 г.). СПб.: [Б.и.], 1904; Устав Московской артели полотеров (утв. 4 августа 1882 г.). М.: [Б.и.], 1882.

⁵⁰ Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // XIX Царскосельские чтения: материалы международной научной конференции 21–22 апреля 2015 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина. Т. 1. С. 62–69.

⁵¹ Устав общества католической женской прислуги имени св. Зиты. Вильно: [Б.и.], 1907.

Наличие подобных организаций, как и деятельность Домов трудолюбия⁵² и других благотворительных структур, гарантировавших потерявшей место прислуге приют, делала ее более уверенной в себе, готовой смело отвечать хозяевам на их претензии и легко разрывать трудовые отношения, если условия казались ей не подходящими.

Выводы

Женская домашняя прислуга занимала, пожалуй, одну из самых низких ступеней в социальной иерархии страны. Труд служанок не был нормирован и ограничен, отсутствовали какие-либо гарантии со стороны работодателей как по условиям работы, так и на случай увольнения и потери трудоспособности. Seriously ухудшали положение прислуги повсеместно встречавшееся сексуальное домогательство и жестокое обращение, противостоять которым девушки имели очень мало возможности.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия жизни в господском доме ежегодно десятки тысяч искательниц счастья из деревни приходили на заработки в город. Подавляющее большинство из них считало себя вполне подготовленным к работе прислугой, так как, занимаясь с детства домашним трудом, не думало, что нужны еще какие-либо особые умения для исполнения этих обязанностей. На деле весь прежний образ жизни деревенских девушек, начиная от манеры общаться и умения ориентироваться на местности и заканчивая привычками в еде и отношении к чистоте, противоречил тому, что хотели получить взявшие их на работу хозяева. Совершая бесконечные промахи, крестьянская неумеха училась жить, пропуская мимо ушей оскорбления, терпя домогательства, работая на износ, только бы ее не выгнали.

Но далеко не всегда хозяева готовы были тратить свои силы на обучение служанки и постоянный контроль за ней. Да и жаль было подвергать опасности имущество, отдавая его в неопытные руки. И как бы не была готова девушка сносить все выпавшие на ее долю испытания, она нередко оказывалась на улице, предоставленная ее влиянию и помощи более опытных товарок. Многие из лишившихся места, не найдя другого или не имея больше сил терпеть, обзаводились «желтым билетом». Хозяева же начинали бесконечные поиски умелой прислуги...

Складывались противоречивые реалии рынка труда прислуги – гигантское и непрерывно растущее предложение, значительный неудовлетворенный спрос и постоянная текучка кадров.

Вместе с тем те девушки, которые смогли выдержать несколько лет мучений, обзаводились не только профессиональными умениями, но обучались жизни в городе, умению использовать свое положение для получения «наживы», защи-

⁵² О деятельности Домов трудолюбия по организации обучения прислуги и посреднических контор для приискания ей места см.: Витебский дом трудолюбия // Трудовая помощь. 1898. № 11. С. 519; Яковлев А. Самарский Дом трудолюбия // Трудовая помощь. 1898. № 12. С. 620–622; Статистические сведения о призываемых в Нижегородском доме трудолюбия имени Михаила и Любови Рукавишниковых за время с 25 ноября 1897 по 25 мая 1898 гг. // Трудовая помощь. 1899. № 1. С. 58; Посредническая контора при Доме трудолюбия в Одессе // Трудовая помощь. 1899. № 3. С. 298.

щать себя от посягательств или использовать свою привлекательность как оружие. И чем более опытной, во всех смыслах, была служанка, тем менее она была настроена подчиняться своим хозяевам, постепенно становясь «самовластницей» в господском доме. Конечно, хозяева могли ее уволить, но кого бы они взяли взамен? В конце концов, выбор сводился к двум вариантам – покладистая неумеха и вздорная, вороватая специалистка.

По мере же того, как последствия Великих реформ вплетались в повседневную жизнь представителей самых разных социальных групп, увеличивалась доля женской деревенской молодежи, которая, обучившись грамоте уже только по приезде в город, изначально не была готова безмолвно сносить град сыпавшихся на нее оскорблений. Зная, хотя бы на уровне слухов, о существовании судебных учреждений, о неких успешных примерах «побед» прислуги над своими господами в этих инстанциях, они могли действительно пытаться к ним апеллировать или, по крайней мере, угрожать иском своим господам. Появление же первых профессиональных организаций женской прислуги, как и расширявшаяся деятельность разного рода благотворительных учреждений, гарантировавших девушкам помощь в получении необходимых навыков и трудоустройстве, еще более стимулировала служанок к защите своих прав, что вынуждало хозяев либо учитывать интересы прислуги, либо пытаться обойтись без нее.

ENG

Introduction

In the second half of the 19th century, amid its large-scale modernization processes, Russia saw a significant increase in the proportion of women forced to leave the sphere of household production and start independently seeking out livelihoods by becoming hired workers. The number of female workers united by the mere fact of being hired included representatives of the most different classes – from hereditary noblewomen, to their former serfs. The positions held by them also varied, including civil servants who served in state institutions, representatives of intellectual professions, as well as factory workers. The most typical form of female earnings, which, according to the common opinion, did not require special skills and was accessible to literally everyone, was the job of a domestic servant. No wonder that this category of the population was represented by almost 1.3 million people, or 41% of the total “independent” female population, according to the official data of the 1897 General Census, which, as the census takers themselves admitted, were greatly underestimated.¹

Despite the obvious need to research the social status of such a significant category of the empire’s population and its place in the social and economic structure of the country, to study the degree of its involvement in migration, socio-political and cultural

¹ N. Troynitskiy, V.V. Stepanova, *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda* [Distribution of workers and servants by groups of occupations and by place of birth on the basis of data of the first General census of the population of the Russian Empire on January 28, 1897] (St. Petersburg: [S.n.], 1905), 6–7.

processes, it is only in the most recent years that interest in analyzing the state of female domestic servants in post-reform Russia has been manifested.

It is distinctive that the first work specifically devoted to the position of women working as maidservants was the work by the German researcher A. Rustemeyer, published at the end of the past century.² The author analyzes various aspects of the life of domestic servants of the capital city in the period from the abolition of serfdom to the revolutionary events of 1917. According to the author, the institution of domestic servants in Russia remained the “bastion of the pre-industrial society”, which preserved the patriarchal relations characteristic of the era of serfdom.

It was only in only in the 2010s that the first works on the status of post-reform female domestic servants appeared in Russian historiography. These studies offered a classification of domestic workers³, characteristics of their working conditions and health status,⁴ evaluation of hirers' requirements and the ability of maidservants to meet these requirements.⁵ Attention was also paid to the specifics of deviant behavior in this category of population.⁶ It was not until 2018 that a work addressing the study of the status of female domestic servants on the basis of a regional (Orenburg) material,⁷ came out. Before then, this institution had been subjected to characterization without due account of territorial specificity or solely on the basis of the experience of capitals.⁸ In general, Russian authors, unlike the German researcher, do not tend to absolutize

² A. Rustemeyer, D. Siebert, *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung* (Stuttgart: [S.n.], 1997).

³ V.A. Veremenko, “Dura v dome” – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem'yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.,” [“The fool in the house” – female domestic servants in noble families of Russia of the second half of 19th – early 20th century] *Al'manakh gendernoy istorii «Adam i Yeva»*, no. 21 (2013): 241–273.

⁴ V.A. Veremenko, “Zhenskaya domashnyaya prisluga v Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.: sostoyaniye zdorov'ya i factory professional'noy zabolevayemosti,” [Female domestic workers in Russia in the second half of the 19th – early 20th century: health status and occupational morbidity factors] *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, no. 3 (2017): 37–40.

⁵ V.A. Veremenko, “Khozyayka na kuchne: adaptatsionnyye praktiki v zhizni rossiyskoy dvoryanskoy sem'i vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.,” [Hostess in the kitchen: adaptation practices in the life of the Russian noble family in the second half of 19th – early 20th century] in *Ekstremal'noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16–18 marta 2017 g.* [Extreme in the daily life of our Russia: history and modernity (k to the 100th anniversary of the Russian revolution 1917 g.): Materials of the international scientific conference, March 16–18, 2017] (St. Petersburg: [S.n.], 2017), 315–323.

⁶ Yu.E. Karpuhina, “Prostituciya sredi zhenskoy domashney prislugi v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.,” [Prostitution among female domestic workers in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century] in *Modernizatsiya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie* [Modernization in Russia: history, politics, education] (St. Petersburg: LGU im. A.S. Poushkina, 2015), 77–89.

⁷ E.V. Burluckaya (Bannikova), “...Prisluga, krajne zdes' izbalovannaya, zhivet po-svoemu». Domashnie rabotnicy v provincii poreformennoy ehpoi,” [“...The servants, extremely spoiled here, live in their own way.” Domestic workers in the province of the post-reform era] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 4 (2018): 77–86.

⁸ O.B. Vahromeeva, *Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge v konce XIX – nachale XX vv.*, [Socio-economic status of women in St. Petersburg late 19th – early 20th century] (St. Petersburg: [S.n.], 2009).

the pre-industrial nature of the post-reform domestic hired labor, paying attention to the fact that patriarchal relations imply not only hard exploitation of servants by their masters, but also the responsibility of the latter for the former, which was increasingly infrequently the case in modernizing Russia.⁹

As it can be seen, the research on the social group in question is only at its start...

The proposed article analyzes the status of female domestic servants, which implied not only their extremely powerless position in the master's house, but the exact opposite position, under certain circumstances related both to personal qualities of specific people and to objective conditions caused by the realities of post-reform Russia. This implies the so-called "omnipotence" of servants, which the post-reform press constantly wrote about, which scared the readers of numerous books on housekeeping and, finally, which is mentioned in most diaries of the Russian nobility, especially noblewomen.

The 'humiliated and insulted' woman

If one asks who can be called the most browbeaten creature in post-reform Russia, who used to work without rest or a single minute of free time for 20 hours a day, who was constantly subjected to various forms of humiliation, from endless verbal insults to real rape, the answer which naturally suggests itself is, of course, the female domestic servant. The fact that this is indeed the case can be confirmed by materials of court proceedings and medical examinations, by the information from housekeeping manuals and private household registers. Finally, similar facts are reflected, although not directly, but quite obviously, in diaries of the masters themselves, who had female domestic workers.

It is not without a reason that even prostitutes had pity for maidservants because of the rightlessness of the latter. Almost half of those prostitutes knew what female domestic workers were talking about not by hearsay, since the former had switched to their job due to the inability to bear the backbreaking work and faultfinding when serving the master's family.¹⁰ Thus, Elsa, the heroine of the story *The Pit* by A.I. Kuprin, talked about the maid's labor as follows: "Imagine how humiliating it is to be a servant in the house, to always depend on the whim or the mood of the masters! The master is always pestering you with silly things. And the mistress is jealous, nagging and scolding."¹¹

A detailed list of what masters were entitled to demand from their domestic servants was contained in the relevant sections of manuals on the organization and keeping of the household. It is distinctive that, despite the cardinal changes that occurred in

⁹ V.A. Veremenko, "Na ostriie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskikh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.)," [At the edge of the home space: the owners and servants in the noble families of Russia (19th – early 20th century)] in *Rossiyskaya istoriya XIX – XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. Statey* [Russian History of the 19th – 20th century: State and society. Events and people. Digest of articles] (St. Petersburg: Liki Rossii, 2013), 58–77.

¹⁰ 40–45% of all prostitutes in Russia came from the circles of maids. 47.2% of the former domestic servants were in accommodation houses, 43.2% of the "re-qualified" domestic servants were engaged in "single-person business". *Statistika Rossiyskoy imperii. Prostituciya po obsledovaniyu na 1 avgusta 1889 g.* [Statistics of the Russian Empire. Prostitution on inspection on August 1, 1889] (St. Petersburg.: Centr. stat. kom. M-va vn. Del, 1890), 33.

¹¹ A.I. Kuprin, *Yama [Pit]* (St. Petersburg: Interpoligrafcentr, 1992), 187.

Russian society following the abolition of serfdom, this list only changed in its form, remaining essentially unchanged in essence.

Here are a few excerpts from the pre-reform manual for masters, published in 1858:

“You have the right to demand: 1) that at any time, even on holidays, they do not leave the house without your permission; 2) that they be modest, quiet, polite, and that they do not allow themselves to quarrel, just like everyone else, that they do not burden you with complaints about each other and do not let any arbitrariness happen; 3) that they do not tell anything related to family matters to strangers; 4) that they have no acquaintance with people of bad behavior; 5) that they not only avoid indulging in any vices, but also that they do not remain idle during rest; the best thing at this time is forcing them to do something for themselves, or to do some light work; and 6) that they fulfill the duties of a Christian, go to church, pray to God, and that, if they are literate, they read prayers, or some moral book.”¹²

This was followed by a more detailed elaboration on these items. E.g., the section *Guidelines regarding the exercise of daily service in the household* contained, among other things, the following provisions:

“If the master or mistress, or any member of the family, asks the servant [T.N. – from this point on: Rus. *служитель*, masc.] about something, he must never answer simply *yes* or *no*, but always add: *just so, sir; no way, madam*.

When addressing persons having a princely or earl’s title, he is obliged to add the name of the title; e.g., *just so, your Excellency*, etc.

When talking to the masters or to guests visiting them, he must address them in the 2nd and 3rd person plural, e.g.: *what would You* [T.N. – 2nd person pl., the formal *you*] *like? would they like?* etc. Only if necessary, the servant may be the first to start speaking with the masters.

When talked to, the servant must stand and respond respectfully...

If reprimanded by the master, the servant must not respond rudely or impatiently...”¹³

Surprisingly, the manual that came out 30 years later is somewhat less flowery, but in essence, it LITERALLY! repeats the above-cited section from a housekeeping book of the period of serfdom:

“If asked about something by the master or mistress, or by one of the family members, the servant [T.N. – from this point on: Rus. *прислуга*, fem.] must never answer simply *yes* or *no*, but she must always add: *sir, lady, young lady*.

Addressing persons with a princely or earl’s title, the servant is obliged to add the name of the title, e.g., *just so, your Excellency*, etc.

When talking to their masters or to guests visiting them, the servant must address them in the 2nd or 3rd person plural, e.g. *what would You* [T.N. – 2nd person pl., the formal *you*] *like? would they like?* etc.

When talked to, she must respond respectfully.

¹² *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu, s vernymi ukazaniyami dlya otopeniya i osveshcheniya komnat* [Instruction for the management of domestic servants, with the correct instructions for heating and lighting rooms] (St. Petersburg: M.O. Vol’fa, 1858), 10.

¹³ *Ibid.*, 30–32.

If reprimanded by the master, the servant must not respond to him rudely or impatiently.

The servant must never seat in the presence of her masters.”¹⁴

Perhaps, the only fundamental difference between these two documents lies in the common name for the person in service. Whereas the earlier text used the Russian masculine form of the word *servant* and the pronoun *he*, in the new reality the generalized name for *servant* was used, referred to as *she*. Such changes in the language reflected the real situation – a huge imbalance in the number of women over men in the domestic workforce, which was the result of attempts by the masters to reduce family expenditures by abandoning the more expensive male labor force.¹⁵

Designed in 1910, but not yet turned into law, the draft *Provisions on the Hiring of Domestic Servants* contained a simple list of measures assigned to domestic workers. To have an idea of the level of the workload of a female servant, especially in the cases where she worked alone in the masters’ home, it is enough to become familiar with the list of her functions provided in this document. The list of chores for domestic servants included the following: “all the work about the house, yard, garden, indicated in the hirer’s household schedule, as well as work outside the household related to meeting vital needs, and also looking after... domestic animals, and overseeing the safety of the master’s property.” Household services also included taking care of the masters and their family members, as well as their guests or visitors.¹⁶

Attempts to charge one person with all this work led to quite obvious consequences, the descriptions of which were abundant in the print media of the early 20th century. Below is a typical example of the duties of the only servant of a mistress who lived off renting rooms in the suburbs of St. Petersburg (it should be noted that this list fits well with the requirement of the draft law). The maid had to “turn the cow to pasture at around 3 o’clock in the morning, clean the barn, go to the store for provisions, clean the rooms, heat the samovar, clean the clothes of the masters and the tenants, make breakfast and lunch and do laundry”. It is not surprising that after a summer of endless labor, the 20-year-old maid asked to be dismissed and, “having rouged her cheeks”, went out onto Nevsky Prospect.¹⁷

The fact that such a working day seemed quite normal not only to the drafters of the hiring project, but also to the masters, who assumed that all of the above was doable

¹⁴ *Pravila svetskoy zhizni i etiketa. Horoshiy ton. Sbornik sovetov na vsyakiy sluchay domashney i obshchestvennoy zhizni* [Rules of social life and etiquette. Good form. Collection of tips just in case of home and social life] (St. Petersburg: tip. V.A. Tihonova, 1889), 322–323.

¹⁵ According to the 1897 All-Russian census, out of 1,556,987 people who indicated private service work as their primary occupation, 1,288,797 were women, or there were 480.5 women for every 100 men working in this field. See: N. Troynitskiy, V.V. Stepanova, *Raspredeleniye rabochikh i prislugi po gruppam zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda* [Distribution of workers and servants by groups of occupations and by place of birth on the basis of data of the first General census of the population of the Russian Empire on January 28, 1897] (St. Petersburg: [S.n.], 1905), 58–77.

¹⁶ Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arhiv [Russian state historical archive – RGIA], f. 1286, op. 1, d. 921, l. 20.

¹⁷ N.A. Popov, *Hozyaeva i prisluga* [Hosts and servants] (St. Petersburg: Tip. SPb., 1907), 10–11.

and that the maidservant's shortcomings were only due to her laziness and lack of skill, is reflected in masters' diaries. E.g., it was only after one of the guests had drawn the attention of the "best" daughter of Senator Zarudny to the fact that their poor servant "simply could not endure all sorts of necessary and unnecessary errands, changeable and capricious orders, shouts, displeasure, etc." that the liberal maiden suddenly saw what was quietly and imperceptibly going on in front of her every day. Ulyasha "goes to bed after everyone else, because she must clean up after the teatime, wash the dishes, put the children and the young ladies to sleep, and in the morning, at 2–3 o'clock, she must already be on the move to make coffee for dad, clean the rooms and make all the necessary preparations for the young ladies before they wake up. Then she keeps running all day making breakfasts and dinners... and she does not have a single minute for a rest! And by the evening, everyone is still displeased with her: you did not come when I called you! You did not sew on a button for me!"¹⁸

Oftentimes, this was also accompanied by moral and physical harassment by the masters and their children, as well as sexual harassment. The maid was harassed "both at home and on the street. At home – by the master himself, by his grown-up son, by the teacher, by the guests, and finally, by the likes of her – the lackey, the coachman, and the janitor. They send her to the shop – the clerk harasses her; they send her to post a letter – the passers-by do."¹⁹ The early XX century press regularly published reports about harmed female servants. Here is an example of such a report that was published in the *Russkoye Slovo* newspaper in 1909: "Last night, the Novovileisk junior inspector Sidorchuk tried to rape the 16-year-old girl Anna Vasilchuk living with him as a maidservant. The poor girl pulled away and ran off. When the next day she requested her passport back, the master put the note *unreliable* on it. The case has been transferred to the court investigator."²⁰

Therefore, in the post-reform period, the masters tried to apply the covenants developed during the era of serfdom to their female domestic servants, seeking to see the maid as a mute being ready to carry out a gigantic amount of work for a small reward, while silently enduring insults and sexual slavery. At the same time, the masters' dreams were destroyed by the reality, which very often had nothing to do with the above-described image of a "humiliated and insulted" maidservant.

"...the question of female servants has long been a 'cursed' one for us"

It is for diverse reasons that the significant and constantly growing category of female servants, who, in the opinion of others, were notorious for their "rude and foolish character", allowed themselves to show an extremely familiar attitude not only towards the masters, but also towards the guests of the latter, defiantly neglected their duties, and constantly extorted and often simply stole money from their masters, emerged in post-reform Russia. These reasons reflect the specifics of the Russian

¹⁸ Institut russkoy literatury Rossiyskoy akademii nauk [Institute of Russian literature of the Russian Academy of Sciences] (thereafter – IRLI RAN), f. 445, d. 7, l. 118 ob. – 119.

¹⁹ L.N. Lenskaya, *O prisluge. Doklad, chitaemyy vo 2-om zhenskoy klub v Moskve v fevrale 1908 g.* [The servants. Report, read in the 2nd women's club in Moscow in February 1908] (Moscow: [S.n.], 1908), 16.

²⁰ "Neblagonadezhnaya," [Unreliable] *Russkoe slovo* (July 1909).

socio-economic structure, which fancifully combined features of traditionalism and modernization.

To a certain extent, such characters (although not so odious and much less common) could be encountered even in the pre-reform period. No wonder that in the late 1850s, a public discussion of the relations between masters and their female domestic workers was developed (but never ended in any way) on the pages of the periodical press. The discussion was initiated by displeased hirers, angrily asking on the newspaper pages: “Who are our hired servants?” They then proceeded with answering their own question by saying that the servants were “crowds of revelers (both men and women) who come to your household not to serve you, but to eat and drink at your expense, to deceive and, finally, to rob you. Even this would not be a big trouble, but the trouble is that they often get away with impunity... They are a pack of riffraff, who will drink away somewhere else what they earned from you; who neither plow nor sow, but live like fowls of the air, without thinking about tomorrow...”²¹

However, such unequivocal judgements were met with a rebuff by “advocates of domestic servants”, part of whom referred to the plight of the latter, while others drew attention to the responsibility of the hirers themselves, linking the behavior of servants with the legacy of the passing era. Thus, the author of the article, published in *Ekonomicheskyy Ukazatel* on April 25, 1859, stated bluntly that “...those who hope to improve one part of society without improving the other – to eradicate depravity in hired servants, while hirers themselves often distract them from virtue by their own example – are wrong... The masters, who are spoiled by serfdom, often forget that it is not people that are hired, but their labor, and that labor is of a certain kind; and then a coachman is required to perform the services of a stoker or a lackey, and a kitchen maid is expected to work as a nanny, etc. This is not clearly set out during the hiring process, and after that, the masters are surprised that their orders are not executed and that they are treated rudely!”²²

It was already after the peasant reform, in 1864, that an article about hiring servants was published in *Izvestiya Sankt-Peterburgskoy Gorodskoy Dumy*. It said that in one of the reports by the Duma’s commissions, there were statements about unscrupulous and vicious domestic servants. The author expressed the opinion that the social group of domestic servants had been formed under circumstances unfavorable for its moral development and material well-being. This group had been formed mainly from the former “house serfs”. “Separated from their families and from their primitive condition of farmers, these people had come to serve as serfs, whose moral development was not watched by anyone. The class of house serfs had lived through centuries in this state, and since nothing had been prompting them to industriousness, and sober and honest life, the consequence was the spread in their community of all kinds of vices that the class of the former house serfs is now so rich in.”²³

²¹ V.P., “O soslovii Peterburgskikh naemnykh sluzhiteley,” [On the estates of St. Petersburg hired servants] *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, no. 2 (February 1859).

²² “Po povodu voprosa o naemnykh slugah,” [About the question of hired servants] *Ukazatel’ politiko-ekonomicheskij. Statist. i promyshl. zhurnal*, no. 121 (1859): 377–379.

²³ *Izvestiya S.-Peterburgskoy gorodskoy obshchey dumy*, no. 9 (1864): 514–517.

Thus, it was assumed that the new Russia, which had given up slavery, would see the prevalence of decent assessment of every honest work, the mutual interest of workers and hirers and, consequently, the establishment of completely normal relations between masters and domestic workers; along with the disappearance of the parasite-like house serfs, on the one hand, and of the feudal psychology of the nobility, on the other hand. In reality, even in the new conditions, having transferred mutual contacts to buying and selling, and hiring relations, the noble intelligentsia, at the same time, expected personal devotion, love, and *voluntary* help from servants, and were very indignant that they had to deal with the “hired man”.²⁴

In this regard, one would think that there was really no “omnipotence” of the female domestic servant. Simply demanding too much from the maid, and faced with the inability to get what they wanted, the masters interpreted any attempt of excuse as rudeness, and any work that remained unfulfilled for objective reasons as conscious laziness and sabotage. Moreover, it is primarily on pages of the masters’ diaries and memoirs that servants are portrayed in an extremely negative way.

It is quite possible that in some cases, this was exactly what happened ...

At the same time, it is impossible to overlook several tendencies in the organization of domestic work which are, at first glance, mutually exclusive: significant supply combined with constant unsatisfied demand and surprisingly high levels of personnel turnover.

At the beginning of the 20th century, large cities of Russia saw the emergence of intermediary offices – private, public (charity), and those existing at the expense of cities. The statistics of these institutions created a certain idea of the number of persons who looked for housekeeping jobs only with the help of such offices.

In St. Petersburg, the city intermediary office began to operate on August 1, 1901.²⁵ It was already at the end of September that *Sankt-Peterburgskie Vedomosti* noted its “visible development” and the constant increase in the number of clients. “At least 100 hirers are recorded daily. The total number of deals made within two months reaches 3,200. More than 7,500 applications from those seeking jobs and offering them have been registered during this period. Female job-seekers prevail among those hired; men (janitors and doorkeepers) make up 15%.”²⁶ In Moscow, it was private offices that had the greatest importance in the matter of domestic hired labor. During the one-year period from November 1, 1902 to November 1, 1903, 12,666 domestic servants sought jobs through these institutions, of whom 1,384 were men and 11,282 were women.²⁷

In 1905, the Warsaw Charitable Society published statistical data on the supply and demand regarding domestic hired labor in Warsaw for the preceding year. It is noteworthy that the number of candidates who were looking for work as domestic servants –

²⁴ V.A. Veremenko, ““Dura v dome”– zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem’yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.,” 241–273.

²⁵ *Trudovaya pomoshch’*, no. 6 (1901): 156.

²⁶ *S.-Peterburgskie vedomosti* (1901): 268.

²⁷ “Chastnye kontory po priiskaniyu raboty v Moskve,” [Private offices for seeking work in Moscow] *Trudovaya pomoshch’*, no. 1 (1904): 125.

3,084 – turned out to be less than the number of jobs available for candidates – 4,550. However, the number of jobs taken by suitable candidates – 1,514 – was twice as low as the number of those who offered their services, and 2.5 times as low as the number of available vacancies. The authors of the study themselves explained this phenomenon by the fact that the majority of the “candidates were unprepared for the positions that they wanted to get.”²⁸

Basically, the latter statement explains the main reason for the above-noted combination of constantly unsatisfied demand against the background of gigantic supply. The job of a domestic servant was considered uncomplicated, the majority of those who were hired believed that it was possible to learn on the spot, therefore, a huge number of peasant women who arrived in cities tried to get this kind of job. However, women who were not adjusted to urban life and to servant duties were unable to satisfy even the elementary demands of employers. Peasant women did not know how to behave in the house and on the street, they did not know how to take care of household items and clothes, often causing them irreparable damage²⁹; finally, there were unable to cook even the “simplest” urban dinner.³⁰ It was these slouches who were ready to tolerate any humiliation, as long as they were hired and kept in the service. However, a few years later, the necessary skills were acquired, and those girls who had managed to endure several years of torment, developed the ability to survive in the wildest conditions, adapted to the scolding and sexual harassment, – in general, those who had “passed that stage”, could already be considered “refined, claiming to be experienced.”³¹ Thus, experience in this field meant not only, and perhaps not so much, the actual necessary knowledge in a particular area of domestic work, as the ability to “survive”,³² which implied self-defense skills, at least in the form of rude response, ways of earning additional

²⁸ “Otdelenie dlya priiskaniya zanyatii Varshavskogo blagotvoritel’nogo obshchestva,” [Department for finding sessions of the Warsaw charitable society] *Trudovaya pomoshch’*, no. 3 (1905): 331–332.

²⁹ “Po raznym voprosam,” [On different issues] *Trudovaya pomoshch’*, no. 3 (1903): 268–281; N.K., “Iz nablyudeniya sotrudnitsy popechitel’stva,” [From the observations of the employee of guardianship] *Trudovaya pomoshch’*, no. 4 (1901): 472–478.

³⁰ The fundamental distinction between urban and rural cuisine became one of the most difficult trials for adolescents – members of agricultural squads, who had assisted families of the reserve during the First World War. See: V.A. Karpova, “Povsednevnyaya zhizn’ uchastnikov trudovykh uchenicheskikh družin v Rossii (1915–1916 gg.),” [The daily life of the student members of the labor brigades in Russia (1915–1916)] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 4, 3 (2015): 48–55; “Rabota trudovykh ogorodnicheskikh uchenicheskikh družin v 1916 g.,” [The work of labor vegetable garden student squads in 1916] *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2016): 105–116.

³¹ “Ob uluchshenii byta i trudovoy podgotovki prislugi,” [About improvement of life and labor training of servants] *Trudovaya pomoshch’*, no. 1 (1902): 97–103.

³² More experienced companions could play a significant role in the training of new maidservants. Thus, e.g., the feuilleton *The War of the Kitchen Maid with the Mistress, or the Scythe Struck a Stone* presents, as it appears, quite a typical story. The kitchen maid Marya, completely tormented by her mistress, was instructed by her acquaintance Stepanida how to behave with the masters. Stepanida, who was often jobless, because, although “she knew her business very well, and she really did not need any prescriptions in it”, she “was not averse to drinking away the money sneaked after purchasing provisions, and often did not hesitate to receive her acquaintances – whether her masters liked it or not; what was more, she was also quite full-throated and rude”. See: *Voyna kuharki s baryney, ili nashla kosa na kamen’* [The cook’s war with the mistress, or found a scythe on a stone] (Moscow: univer. tip., 1866), 13.

income (through extortion and/or petty theft), and, finally, the ability to “relax”, very often manifested in the form of excessive drinking.

Therefore, the masters who made the decision to hire a servant were faced with an almost insoluble problem: either to hire a quiet village girl, ready to do all the work for the smallest payment, but completely incapable, or to hire an experienced specialist, fitted with impudence, the ability to gain profit at the masters’ expense in different ways, and, perhaps, also having immoral behavior, – for much more money. In the first case, it was necessary to control every step of the unskillful servant, be ready to end up with an inedible dinner, spoiled clothes, broken dishes, etc. In the second case, it was also impossible to give up control, since otherwise, significant family funds could resurface into the pocket of the experienced maid, and all unchecked work risked to remain undone. By any measure, maidservants caused families a lot of problems, inconveniences and additional expenses.

This created a vicious circle: as a result of the search of another “good option”, a new maid appeared in the household, who soon either turned out to be “completely inappropriate” or left the masters herself due to being dissatisfied with the conditions. The average tenure of maidservants in the same family, as a rule, did not exceed several months,³³ and both participants of the hiring process were again faced with the need to find a “good option”.

“And they will tell me that all people are equal!”

Numerous housekeeping manuals strongly recommended that the masters hire unskillful, but “honest and decent” people, refusing experienced, but rude and thieving drunkards. Authors of such publications constantly reminded their readers that they should not expect “...to get a good servant, like a product from a store, with a guarantee, completely ready – turn her on and there she goes”. After all, “servants are also people, not machines”. And instead of relying on “certificates, bureaus and references”, the masters themselves should take care of the education of their servants, above all, their moral education.³⁴

Some, indeed, preferred such an option. Moreover, an important factor here was not only the “quietness” and “spiritual health” of peasant girls who moved to cities, but also the cheapness of their services. The young girl Pronya, brought by the masters from the village to the capital, caused a whole bunch of problems to the household of the General staff officer I. Menitsky. In her memoirs, the officer’s wife, O. Menitskaya, devotes a few pages to her and to the misadventures caused by her behavior: “She was a true illiterate village girl, a sullen goose, but hard-working, uncomplaining, passive, like a windup doll. I tried to teach her to read and write, but unsuccessfully. She would put together alphabet blocks, and most of all she liked to spell “s k u r t” by pointing her finger into space. She

³³ According to the analyses of household registers of St. Petersburg conducted by D.M. Demidovich, “the average tenure of maids in service was 125 days, that is, maidservants changed jobs about once every four months.” D.M. Demidovich, *Dohodnye doma Peterburga*, 153.

³⁴ E. Spiridonova, “Otchego isportilas’ nasha prisluga,” [Why is our servant spoiled] in *Sem’ya pravoslavnogo hristianina. Sbornik propovedey, razmyshleniy, rasskazov i stihotvoreniy* [Family Orthodox Christian. Collection of sermons, reflections, stories and poems] (St. Petersburg: tip. Montvida, 1906), 602–608.

hesitated to get on the train, and kept jumping back all the time. I had to kick her in the butt with my knee while holding a child in my arms so that she could finally get on. When on the train, she was holding her things with both hands, afraid to put them on the bench. We had a hard time teaching her to go outside and to the shop, since she was so scared of everything and everyone. She was like the second child, barely flexible. She would take us with her to the bath-house and wash us herself. A true primitive person. It was evident that she missed the village and the people of her society... She was always dissatisfied, hungry, because she did not like the master's food...". Despite all these shortcomings, the masters were in no hurry to dismiss her. Apparently, the main incentive for this was the fact that she received only 4 rubles per month,³⁵ while in the 1890s, the salary of a village slouch in St. Petersburg was at least 6 rubles.

In general, attempts to teach their servants to read and write, or even engage them in school curriculum, were frequent with the intellectual class. However, the reasons for this sometimes had nothing to do with the desire to do a favor to the girl herself. Thus, e.g., R. Sementkovsky, who in the early 1870s wrote his dissertation on the possibility and importance of providing women with the same education as men, decided to check its provisions on the 13-year-old illiterate girl who served as his maid. He began to teach her in his spare time and covered a significant part of the men's classical gymnasium curriculum with her. But apparently, the student was not particularly grateful to the teacher for the unexpected knowledge that fell on her. At least, the author finished this part of his recollections with the following rather obscure sentence: "But in the end, she caused me a major disappointment, softened only by the awareness of the duty performed, the pleasure that the search of truth can bring a person, and finally, the sympathy of respected people."³⁶

But not all the masters were ready to burden themselves with another child embodied in a servant, preferring to have an experienced worker instead. As a rule, hirers understood that, most likely, they would have to deal with a "person with an attitude", but hoped to "please" their servant with presents.

It was already in the pre-reform era that the custom of giving presents to servants on big holidays "almost turned into a cast-iron rule."³⁷ And it was not only hired servants, but also serfs who were given presents, which could be both things and money. Thus, e.g., in honor of the wedding of Prince Kropotkin's eldest daughter Elena Alekseevna, the newlyweds had to bestow the house serfs with a considerable sum of money. Moreover, on the eve of their departure, the spouses had a long discussion about how much to give until they agreed that "the house serfs are... numerous; it was impossible to give less than 15 rubles."³⁸

In the post-reform time, there was no possibility of giving presents only to experienced servants on major holidays. Hoping for kindness in response, the masters inces-

³⁵ "Ya vyshla zamuzh za lyubimogo..." memuary O.M. Menickoy-Zommar," ["I married my beloved ..." memoirs by O.M. Menitskaya-Sommer] *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2017): 109–150.

³⁶ R.I. Sementkovskiy, "Sredi otoshedshih (Iz moih vospominiy)," [Among the departed (from my memories)] *Istoricheskiy vestnik*, no. 4 (1917): 115–144.

³⁷ *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu...*, 22.

³⁸ Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki (OR RNB), f. 601, d. 1196, l. 95.

santly presented specialists who knew their worth with small gifts or gave them their old dresses, underwear or shoes. Oftentimes, the maids not only failed to thank the masters, but, as predicted by authors of housekeeping manuals, took “such presents for granted” and began to demand them.³⁹ In turn, the masters, who had expected a completely different reaction, could not understand such impudence. This is how O. Bazankur described her feelings in her diary:

“Problems with servants have begun! The better you treat them, the closer, the tenderer you are to them, the worse it gets. Today, after I gave Annushka some chintz when paying her salary, I sent her to the theater – she has completely lost her mind due to stupidity and anger... Yesterday she literally started screaming at me. Tomorrow I will give her an ultimatum: either she behaves herself decently, or gets the hell out of here... It is not the facts themselves that are annoying, but the matter of having to deal with them...

Such a young girl – and so much arrogance and anger! And they will tell me that all people are equal! They will never be... And mine is also incredibly stupid, she does everything without thinking at all and without knowing what she is doing, and therefore, everything goes bad and rotten.”⁴⁰

It was not endless showering with presents that housekeeping books considered a truly reliable means of maintaining home order, but properly organized communication with servants. It was supposed to be, on the one hand, “amiable, however, at the same time, not derogatory to one’s own dignity”. One was advised to avoid “all familiarity” and to “never call the servant a diminutive name”. In particular, it was recommended not to “initiate an argument with the maid” and noted that “it would be best to refuse her the position without further trouble.”⁴¹

An analysis of diaries of the nobility shows that in real life, only “diminutive names” were used to call a servant. The pages of these documents feature an endless list of Nastyonas, Marusyas, Glashas, etc. Moreover, certain masters were willing to put up with the familiarity of the maidservants and even to consider them “nice”, if the maidservant had not been caught in any other serious crime. Thus, in her diary, O. Yafa with obvious sympathy mentioned the “good-natured fat” maid Masha, who was “on first-name terms with everyone”, and who publicly and without hesitation called the student who came to their house as a guest the “groom-to-be” of the master’s daughter, which obviously made the young lady feel embarrassed.⁴²

And indeed, amid obvious cheating, even a slight familiarity on the part of the housemaid could seem very pretty... After serving for several years, the maid came to the conclusion that the size of her official salary could not, and should not, determine her level of welfare. It is not without reason that many of the maidservants who were hired, immediately stipulated the right to make certain purchases not using the “book” from

³⁹ *Nastavlenie dlya upravleniya domashneyu prislugoyu...*, 22–23.

⁴⁰ IRLI RAN, f. 15, d. 2, l. 61–62 ob.

⁴¹ *Pravila svetskoy zhizni i etiketa. Horoshiy ton. Sbornik sovetov na vsyakiy sluchay domashney i obshchestvennoy zhizni* [Rules of social life and etiquette. Good form. Collection of tips just in case of home and social life] (St. Petersburg: tip. V.A. Tihonova, 1889), 321–322.

⁴² OR RNB, f. 163, d. 323, l. 20 ob.

the shop, but for “real” money. The owners, in turn, were also aware of the possibility of cheating on the part of maids. In his feuilleton *A Maid from the Office*, N. Leykin in a humorous form demonstrated the maids’ attempts to secure themselves an additional income, and the masters’ efforts to deprive the servants of such an opportunity. E.g., this is how he described the hiring of a kitchen maid:

“... – You must count on the salary. If you are willing to live on our salary, stay with us, if not, you don’t have to.

... – But sir, it is impossible for a kitchen maid to live without side work. After all, this is why we work at other people’s places. Otherwise, we would be living in the country... Making twelve rubles in salary, one cannot save a lot. The butcher pays us a little, the shopkeeper does, the fisherman does, the greengrocer does...

...One more thing, I forgot to ask the most important question. It is, of course, me, who will be buying provisions, isn’t it?

– Yes, yes... We pay by book at the butcher’s, at the greengrocer’s, you will be also paying by book at the junk shop.

– By bo-ok? the cook asked in disappointment and shook her head, – I don’t like living in such places where I need to pay by book.

– Well, if you don’t like it, you don’t have to...

– You want to have a kitchen maid for a cook, and you will be paying twelve rubles, you will be paying for provisions yourselves according to the book, and you have also put scales in the kitchen to check on me. No, this is not the right place!”⁴³

Thus, having hired an “experienced” maid, one option was to be prepared for constant “home wars”, when “...either the kitchen maid had a fit of hard drinking, and the laundress proved to be light-fingered and had to be dismissed; or the maid was rude and left the house without asking...”⁴⁴ The other option was to entrust oneself “completely to a Masha, a Glasha, a Polya”, to let the “headstrong woman” do whatever she wants, to accept the fact that she “is sometimes naughty, is constantly cheating, wears the mistress’s underwear...”⁴⁵

In the struggle for their rights...

The post-reform time was marked not only by the widespread “home wars” as a way for the maidservants to create acceptable living conditions for themselves. The growth of the education and awareness of peasant women, their increasing familiarity with judicial institutions, and even certain skills of protecting their rights in volost courts⁴⁶, and, finally, the experience of living in the city, contributed to the appea-

⁴³ N.A. Leykin, “Prisluga iz kontory,” [Servants from the office] in *Hlebnyy vopros. Yumoristicheskie rasskazy* [Bread issue. Humorous stories] (St. Petersburg.: tip. S.P. Hudekova, 1896), 256–260.

⁴⁴ OR RNB, f. 163, d. 313, l. 56.

⁴⁵ V.V. Povarinskaya, “O priuchenii devochek k domashnemu hozyaystvu,” [On the domestication of girls] in *Enciklopediya vospitaniya i obucheniya* [Encyclopedia of education and training] (St. Petersburg: Zahar’evskaya Tip., 1902), 9.

⁴⁶ Z.Z. Muhina, *Russkaya krest’yanka v poreformennyi period (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)* [Russian peasant woman in the post-reform period (the second half of 19th – early 20th century)] (St. Petersburg: Dmitriy Bulanin tip., 2018).

rance of maids who were ready to carry their problems to court. Of course, cases where the owners were found guilty by the court were rather an exception, but the fact that such reports appeared in the press gave servants hope to win the trial or, at least, to get money from the masters for the damage suffered.

Thus, a lot of noise was caused by the “great curiosity” that happened to a “very respectable person” who had hired a kitchen maid who was always rude to her. One day, the lady, holding an empty plate in her hands, made a remark to the maid, to which the latter responded rudely. The mistress “lost patience, dropped the plate on the floor and a broken off piece injured the kitchen maid’s face; the latter then started a lawsuit against the mistress. The mistress was facing a scandalous process in the district court, and she had to reconcile with the kitchen maid by paying her a sum of money.”⁴⁷

In February 1912, the newspaper *Trudovaya Kopeika* published an even more surprising story, when a servant accused her mistress of theft. The young woman hired by a “young and progressive family (a student couple) served properly” she was presented with gifts and praises. But after the neighbor’s maid had “enlightened” the mistress by saying that the servant of the latter was allegedly gossiping and speaking badly about the mistress, the relations in the household deteriorated. “In a tide of indignation, the girl student broke the chest of her maid open, took the gifts and gave them to the informer. And the magistrate charged the mistress with theft. This is how he addressed her and the maid during the trial: “You thieves, you both stand next to me!” The girl student fainted with shame.”⁴⁸

An important indicator of the growth of female domestic servants’ self-awareness and their understanding of the need for special structures that could guarantee the rights of maidservants and, at least partially, assist them in the absence of work, was the appearance of the first professional organizations at the beginning of the new century. It was already in the 1870s that artels uniting male servants began to emerge.⁴⁹ By the beginning of the 20th century – the time of the emergence of the first women’s associations – the number of male institutions of this kind was measured in dozens only in the capital.⁵⁰ This was largely due to the fact that while female servants continued to do domestic work, male servants marked the beginning of the service sector by forming a new branch of social production.

The main tasks of the associations were “improving the life of female domestic servants, seeking jobs for them”, as well as providing assistance in the event of illness or dis-

⁴⁷ N.A. Popov, *Hozyaeva i prisluga* [Hosts and servants] (St. Petersburg: [S.n.], 1907), 10.

⁴⁸ “Tyazhкое обвинение,” [Heavy charge] *Trudovaya kopeyka*, no. 38, (1912).

⁴⁹ *Ustav obshchestva «domashnyaya obespechennaya prisluga» (proekt)* [The company’s Charter “home provided workers” (draft)] (Moscow: [S.n.], 1871); *Ustav pervoy S-Peterburgskoy arteli posyl’nykh (Utverzhden upravlyayushchim ministerstvom vnutrennikh del 6-go yanvara 1879 g.)* [Charter of the first St. Petersburg artel of messengers (Approved by the Manager of the Ministry of internal Affairs on January 6, 1879)] (St. Petersburg: [S.n.], 1904); *Ustav Moskovskoy arteli poloterov (utv. 4 avgusta 1882 g.)* (Moscow: [S.n.], 1882).

⁵⁰ L.A. Samarina, “Artel’naya organizatsiya raboty prislugi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (na primere ustavov arteley posyl’nykh, perevozchikov i perenoschikov),” [The artel organization of work of servants in Russia at the end of 19th – early 20th century (on the example of charters of artels of messengers, carriers and carriers)] in *XIX Tsarskosel’skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 21–22 aprelya 2015 g.* (St. Petersburg: [S.n.], 2015), 62–69.

ability. The funds of the society formed by contributions from members, who were mainly maidservants themselves, were used to create shelters for sick and elderly members of the society, to provide benefits for those who had lost their jobs, to open classes for teaching “various crafts”, the knowledge of which increased the chances of employment for women.⁵¹

The availability of such organizations, as well as the activities of the Houses of industriousness⁵² and other charitable organizations which guaranteed shelter to jobless maidservants, made them more self-confident, ready to boldly respond to the masters’ claims and to easily break workplace relationships, if the conditions seemed inappropriate.

Conclusions

Female domestic servants occupied, perhaps, one of the lowest levels in the country’s social hierarchy. The work of the maidservant was not standardized or limited, there were no guarantees from the hirers, both in terms of working conditions and in case of dismissal or disability. The situation of maidservants was seriously worsened everywhere by sexual harassment and abuse, which the maids had very little opportunity to resist.

Despite the extremely unfavorable living conditions in the masters’ house, thousands of village girls seeking happiness came to work in the city each year. The overwhelming majority of them considered themselves fully prepared to work as servants, since, having done household chores since childhood, they did not think that they needed any special skills to perform those duties. In reality, the whole old way of life of village girls, starting from the way of communicating and having a sense of direction, and ending with eating habits and attitudes towards cleanliness, contradicted the expectations of the masters. Making endless mistakes, the peasant slouch learned to live, letting insults go by, enduring harassment, working to the point of exhaustion, only in order not to be kicked out.

But it was far from always that the masters were ready to spend their effort on training the maidservant and exercising constant control over her. It was a pity to put the property at risk by committing it to inexperienced hands. And no matter how ready the girl was to endure all the trials that fell to her lot, she often found herself on the street, subjected to its influence and the help of more experienced companions. Many of those who had lost their jobs, and never found another one, or no longer had the power to carry on, acquired a “yellow ticket”. As for the masters, they started an endless search for a skilled servant...

⁵¹ *Ustav obshchestva katolicheskoy zhenskoy prislugi imeni sv. Zity* [Charter of the society of Catholic female servants named after St. Zita] (Vilno: [S.n.], 1907).

⁵² On the activities of Houses of industriousness regarding the organization of training of servants, and the activities of intermediary offices aimed at finding jobs for them see.: “Vitebskiy dom trudolyubiya,” [Vitebsk house for the homeless] *Trudovaya pomoshch'*, no. 11 (1898): 519; “Statisticheskie svedeniya o prizrevaemykh v Nizhegorodskom dome trudolyubiya imeni Mihaila i Lyubovi Rukavishnikovyyh za vremya s 25 noyabrya 1897 po 25 maya 1898 gg.,” [Statistical information about the charity people in Nizhny Novgorod home for the homeless named after Mikhail and Lyubov Rukavishnikova since 25 Nov 1897 25 may 1898] *Trudovaya pomoshch'*, no. 1 (1899): 58; “Posrednicheskaya kontora pri Dome trudolyubiya v Odesse,” [Intermediary office at the house of diligence in Odessa] *Trudovaya pomoshch'*, no. 3 (1899): 298.

This formed the controversial realities of the labor market of female domestic servants – a gigantic and continuously growing supply, a significant unsatisfied demand and a constant turnover of personnel.

At the same time, those girls who had been able to endure several years of torment, acquired not only professional skills, but got accustomed to living in the city, using their position to earn money, protecting themselves from encroachment, or using their attractiveness as a weapon. And the more experienced, in all senses, the maid was, the less determined she was to obey her masters, gradually becoming a “headstrong woman” in the master’s house. Of course, the masters could kick her out, but who would they hire in return? In the end, the choice was reduced to two options – a docile slouch and a foolish, thievish specialist.

As the consequences of the Great Reforms interweaved into the everyday life of representatives of the most diverse social groups, there was a growing increase in the proportion of female rural youth who, having learned to read and write only after their arrival in the city, were not ready to silently put up with storms of abuse. Knowing, at least through the grapevine, about the existence of judicial institutions, about some successful examples of “victories” of maidservants over their masters in these institutions, they could, indeed, try to appeal to them or at least threaten their masters with a lawsuit. The appearance of the first professional organizations of female servants, as well as the expanding activities of various charitable institutions that guaranteed the maids assistance in obtaining the necessary skills and employment, further stimulated the maidservants to protect their rights, which forced the owners to either take into account the interests of the former or try to do without them.

© Веремченко В.А., 2019



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Рукопись поступила: 19 февраля 2019 г.

Submitted: 19 February 2019.

Библиографический список

- Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* «...Прислуга, крайне здесь избалованная, живет по-своему». Домашние работницы в провинции пореформенной эпохи // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4. С. 77–86.
- Вахромеева О.Б.* Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге конце XIX – начале XX вв.: Дисс. ... д.и.н. СПб.: [Б.и.], 2009.
- Веремченко В.А.* «Дура в доме» – женская домашняя прислуга в дворянских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // Альманах гендерной истории «Адам и Ева». 2013. № 21. С. 241–273.
- Веремченко В.А.* Женская домашняя прислуга в России второй половины XIX – начала XX в.: состояние здоровья и факторы профессиональной заболеваемости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3–1. С. 37–40.
- Веремченко В.А.* Хозяйка на кухне: адаптационные практики в жизни российской дворянской семьи во второй половине XIX – начале XX в. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: история и современность (к 100-летию русской революции 1917 г.): материалы междунар. науч. конф., 16–18 марта 2017 г. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 315–323.

- Веремченко В.А. На острие домашнего пространства: хозяева и прислуга в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // *Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди. Сб. статей.* СПб.: Лики России, 2013. С. 58–77.
- Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века). СПб.: РГПУ, 2018.
- Каминский В.В., Веремченко В.А. «Я вышла замуж за любимого...» Мемуары О.М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) // *История повседневности.* 2017. № 1. С. 109–151.
- Карпухина Ю.Е. Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // *Модернизация в России: история, политика, образование.* СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 101–105.
- Карпова В.А. Работа трудовых огороднических ученических дружин в 1916 г. // *История повседневности.* 2016. № 1. С. 105–116.
- Карпова В.А. Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.* 2015. Т. 4. № 3. С. 48–55.
- Куприн А.И. Яма. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992.
- Ленская Л.Н. О прислуге. Доклад, читаемый во 2-ом женском клубе в Москве в феврале 1908 г. М.: [Б.и.], 1908.
- Лейкин Н.А. Прислуга из конторы // *Хлебный вопрос. Юмористические рассказы.* СПб.: тип. С.П. Худекова, 1896. С. 256–260.
- Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начала XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018.
- Нестеров А.К. Война кухарки с барыней, или нашла коса на камень. М.: Универ. тип., 1866.
- Попов Н.А. Хозяева и прислуга. СПб.: [Б.и.], 1907.
- Поваринская В.В. О приучении девочек к домашнему хозяйству // *Энциклопедия воспитания и обучения.* СПб.: Захарьевская, 1902. Вып. Л. С. 9.
- Самарина Л.А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // *История повседневности.* 2017. № 1. С. 77–89.
- Самарина Л.А. Артельная организация работы прислуги в России в конце XIX – начале XX вв. (на примере уставов артелей посыльных, перевозчиков и переносчиков) // *XIX Царско-сельские чтения: материалы международной научной конференции 21–22 апреля 2015 г.* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. Т. 1. С. 62–69.
- Сементковский Р.И. Среди отошедших (Из моих воспоминаний) // *Исторический вестник.* 1917. Апрель. С. 127–128.
- Степанова В.В. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года. СПб.: Типография Н.Л. Ныркина, 1905.
- Спиридонова Е. Отчего испортилась наша прислуга // *Семья православного христианина. Сборник проповедей, размышлений, рассказов и стихотворений.* СПб.: Типография Монтвида, 1906. С. 602–608.
- Яковлев А. Самарский Дом трудолюбия // *Трудовая помощь.* 1898. № 12. С. 620–622.
- Rustemeyer A., Siebert D. *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung.* Stuttgart: [S.n.], 1997.

References

- Burluckaya (Bannikova), E.V. “ ‘...The servants, who are extremely spoiled here, live in their own way.’ Female domestic workers in the province during the post-reform period.” *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 4 (2018): 77–86 (in Russian).
- Demidovich, D.M. *Dohodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeystvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost’ (1870-e gg. – nachalo XX veka).* St. Petersburg: RGPU Publ., 2018 (in Russian).

- Kaminsky, V.V., and Veremenko, V.A. “‘...I was married to a loved one ...’ Memoirs of O.M. Menitskaya-Zommar (01.03.1874–31.01.1967).” *History of Everyday Life*, no. 1 (2017): 109–151 (in Russian).
- Karpova, V.A. “Daily life of participants of pupils’ labor squads in Russia (1915–16).” *Vestnik of Pushkin Leningrad State University* 4, no. 3 (2015): 48–55 (in Russian).
- Karpova, V.A. “Rabota trudovykh ogorodnicheskikh uchenicheskikh družhin v 1916 g.” *History of Everyday Life*, no. 1 (2016): 105–116 (in Russian).
- Karpuhina, Yu.E. “Prostituciya sredi zhenskoy domashney prislugi v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.” In *Modernizaciya v Rossii: istoriya, politika, obrazovanie*. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Kuprin, A.I. *Yama*. St. Petersburg: Interpoligrafcentr Publ., 1992 (in Russian).
- Lenskaya, L.N. *O prisluge. Doklad, chitaemyy vo 2-om zhenskom klube v Moskve v fevrale 1908 g.* Moscow: [S.n.], 1908 (in Russian).
- Leykin, N.A. “Prisluga iz kontory.” In *Khlebnyy vopros. Yumoristicheskie rasskazy*. St. Petersburg.: S.P. Hudekov Press, 1896 (in Russian).
- Mukhina, Z.Z. *Russkaya krest’yanka v poreformennyy period (vtoraya polovina XIX – nachala XX veka)*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018 (in Russian).
- Nesterov, A.K. *Voyna kuharki s baryney, ili nashla kosa na kamen’*. Moscow: Universitetskaya tipografiya Press, 1866 (in Russian).
- Popov, N.A. *Khozyaeva i prisluga*. St. Petersburg: [S.n.], 1907 (in Russian).
- Povarinskaya, V.V. “O priuchenii devochek k domashnemu hozyaystvu.” In *Enciklopediya vospitaniya i obucheniya*. St. Petersburg: Zakhar’evskaya Publ., 1902 (in Russian).
- Rustemeyer, A., and Siebert, D. *Alltagsgeschichte der unteren Schichten im russischen Reich (1861–1914): Komment. Bibliogr. zeitgenössischer Titel u. Ber. über die Forschung*. Stuttgart: [S.n.], 1997 (in German).
- Samarina, L.A. “Artel’naya organizatsiya raboty prislugi v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (n aprimere ustavov arteley posyl’nykh, perevozchikov i perenoschikov).” In *XIX Tsarsko-sel’skiye chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoykonferentsii, 21–22 aprelya 2015 g.* St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2015 (in Russian).
- Samarina, L.A. “‘Bastards stole all’: theft among domestic workers in Russia in the second half of the XIX century.” *Istoriya povsednevnosti*, no. 1 (2017): 77–89 (in Russian).
- Sementkovskiy, R.I. “Sredi otoshedshikh (Iz moikh vospominaniy).” *Istoriicheskiy vestnik*, no. 4 (1917): 115–144 (in Russian).
- Spiridonova, E. “Otchego isportilas’ nasha prisluga.” In *Sem’ya pravoslavnogo hristianina. Sbornik propovedey, razmyshleniy, rasskazov i stihotvoreniy*. St. Petersburg: tip. Montvida Publ., 1906 (in Russian).
- Stepanova, V.V., and Troynitskiy, N. *Raspredeleniye rabochikh I prislugi po grupпам zanyatiy i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy Imperii 28 yanvarya 1897 goda*. St. Petersburg: [S.n.], 1905 (in Russian).
- Vakhromeeva, O.B. *Social’no-ehkonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge konce XIX – nachale XX vv.* Diss. ... Dr. in Histiry. St. Petersburg: [S.n.], 2009 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “Na ostrie domashnego prostranstva: hozyaeva i prisluga v dvoryanskih sem’yah Rossii (XIX – nachalo XX v.).” In *Rossiyskaya istoriya XIX – XX vekov: Gosudarstvo i obshchestvo. Sobytiya i lyudi. Sb. Statey*. St. Petersburg: Liki Rossii Publ., 2013 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “‘Dura v dome’ – zhenskaya domashnyaya prisluga v dvoryanskikh sem’yakh Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.” *Al’manakh gendernoy istorii «Adam i Yeva»*, no. 21 (2013): 241–273 (in Russian).
- Veremenko, V.A., “Hostess in the kitchen: adaptation practices in the Russian noble family life in the second half of 19th – early 20th centuries.” In *Ekstremal’noye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost’ (k 100-letiyu russkoy revolyutsii 1917 g.): materialy mezhdunar. nauch. konf., 16-18 marta 2017 g.* St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina Publ., 2017 (in Russian).

- Veremenko, V.A. “Female domestic workers in Russia in the second half of XIX – early XX centuries: the health condition and factors of occupational diseases.” *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 3 (2017): 37–40 (in Russian).
- Yakovlev, A. “SamarSKIY Dom trudolyubiya.” *Trudovaya pomoshch'*, no. 12 (1898): 620–622 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Главный редактор журнала *История повседневности*.

Valentina A. Veremenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History of Leningrad State University, A.S. Pushkin. Editor-in-Chief of *History of Everyday Life*.